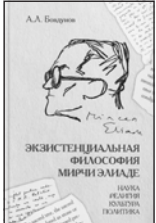

Бовдунов Александр. Экзистенциальная философия Мирчи Элиаде: наука, религия, культура, политика : монография. — М. : Академический проект, 2025. — 261 с.

КНИГИ Мирчи Элиаде (1907–1986) издаются и переиздаются в России с 90-х годов XX века, а первый русскоязычный сборник его избранных работ под названием "Космос и история" вышел в советском издательстве "Прогресс" в 1987 году. Несмотря на то, что работы Элиаде прочно вошли в научный оборот, его биография и мировоззрение слабо знакомы отечественным читателям, не считая тех из них, кто профессионально специализируется на соответствующих научных направлениях.

Ценность монографии А.Л. Бовдунова состоит в том, что ознакомится с ней будет интересно не только оstepенённым учёным, но и студентам или просто интересующимся личностью Элиаде. Повторов и "воды" в книге практически нет (пожалуй, только ссылок

перекличка с наблюдениями и выводами, сделанными в монографиях доктора философских наук Н.М. Терехихина "Сакральная география Русского Севера" (1993) и "Метафизика Севера" (2004).

Бовдунов чётко проводит мысль об Элиаде как о крестьянском традиционалисте, ведь "он единственный традиционалист или околотрадиционалистский автор, который прямо симпатизирует крестьянству Юго-Восточной Европы и постоянно возвращается к его верованиям и традициям, жизненным установкам". В отличие от таких традиционалистов, как Р. Генон (брахманический тип традиционалиста) и Ю. Эвола (кшатрийский тип), Элиаде — это традиционалист третьей касты, а его вера — "вера простого румынского крестьянина, наиболее простая, как можно более простая". Вместе с тем он признанный академичный учёный. Сравнивая мировоззрение Элиаде, Генона и Эволы, автор подробно пишет об их взаимовлияниях и взаимоотношениях. Элиаде, в отличие от вышеназванных пессимистично настроенных традиционалистов, видел для человечества свет в конце туннеля. "Космос никогда не может быть

В мире — тишь и безветрие. Чистота и симметрия. На душе моей тясостно, И живу я безрадостно.

Написанные Элиаде в 1937 году слова актуальны и сегодня: "это настоящая смерть — понять всё, уметь интегрировать всё в замкнутую систему, уметь вписать всё в свою систему — даже то, что вы не можете вместить куда-либо". Как верно отмечает Бовдунов, базовая установка Элиале состоит в том, что "не все тайны мира могут и должны быть раскрыты... В мире всегда должно оставаться что-то непознанное, нераскрытое, измерение тайны, придающее нашей жизни и нашей мысли динамизм. Экзистенциальная философия принципиально не приемлет закрытых систем". При чтении этих строк мне вспомнились "Камешки на ладони" В.А. Солоухина: "Человечество охвачено сейчас, как бы назвав, вакханалией доступности... Эта вакханалия доступности пронизывает весь регистр нашего общения с внешним миром, от тайны цветка до тайны луны, от женской любви до молнии с громом. Но боюсь только, что со всеобщей доступностью делается недоступным для нас такое понятие, как красота".

Вполне логично, что на страницах книги неоднократно затрагивается вопрос о личной религиозности Элиаде. Он и сам подбирсил дров в полемический костёр самхарактеристикой от 1942 года: "Трагедию моей жизни можно свести к следующей формуле: я — язычник, совершенный классический язычник, который хочет стать христианином". Однако если "язычник" хочет стать христианином или считает себя слишком недостойным (грешным) для того, чтобы называться христианином, то "язычник" ли это? Бовдунов делает вывод, что героя его книги в целом можно признать "человеком православной культуры, с интересом и позитивно относящимся к православному христианству, но невоцерковлённого".

ОРИГИНАЛЬНЫ и достойны внимания интерпретации Бовдуновым художественных произведений Элиаде. Действительно, не зная мыслителя как писателя, "трудно понимать его мировоззрение в целом, основываясь лишь на религиозных трудах". К слову, отмеченный в книге как непережедённый роман "Небесная свадьба" уже переведён Юлией Горноскуль на русский язык и выпущен в 2025 году под заголовком "Свадьба на небесах". Кроме того, автор уделяет значительное внимание образу женщины в прозе Элиаде, в связи с чем обратим внимание на экранизацию новеллы "Без юности юность", осуществлённую Френсисом Фордом Копполой в 2007 году.

В небольшой рецензии нет возможности обратить внимание на все темы, затронутые в монографии. Отмечу ещё такой сюжет, как отношение Элиаде к театру.

Подводя итог, автор констатирует, что "Элиаде не отвергает модерн и не предлагает возвратиться назад, но говорит скорее о его недостаточности, необходимости его преодоления, в том числе через науку, которая первой нащупала свои границы, невозможность понять мир в рамках десакрализованного мышления". Мыслитель своими трудами старался "напомнить о сакральном современному человеку, разрешить его экзистенциальный кризис, выход из которого он видел в осознанном обращении к священному".

Александр РЕПНИКОВ

ПУТЬ В НИКУДА

Пелевин Виктор. A Sinistra : роман. — М. : Эксмо, 2025. — 480 с.

КАЖДУЮ осень российский читатель с затёанной надеждой и готовым вердиктом открывает новую книгу Виктора Олеговича Пелевина, превратившись в подобие его же героев — вечно ожидающих очередного "патча" к реальности. Этот ритуал, уже ставший частью национального культурного календаря, в очередной раз свершился с выходом пятого романа в серии "Transhumanism Inc.", озаглавленного "A Sinistra". И вновь мы, словно те самые "мозги в банках", чьи цереброконтейнеры обеспечивают подобие вечности олигархам и сильным мира сего, погружаемся в виртуальную симуляцию, оставляя за скобками медленно умирающие в реальном мире "биокирки". Однако на сей раз Пелевин, таинственный автор отечественной литературы, подготовил для нас сюрприз. Если прошлогодняя "Круть" представлялась для читателя сложной для восприятия, головоломной деконструкцией, то "A Sinistra" являет нечто иное — увлекательную, почти сказочную притчу, стилизованную под дантовское хождение по мукам с элементами альтернативного фэнтези. Это не просто очередной виток спирали, но попытка выстроить внутри бесконечного лабиринта симулякру строгую, почти что средневековую вертикаль духовного пути.

Сюжетный стержень романа до боли знаком постоянным читателям цикла: следователь Маркус Зоргенфрей, функционер системы, расследует новое ЧП. Клиенты элитного метафизического бутика "Левый путь" (A Sinistra), предлагающего духовное восхождение к богу через богатство и власть — своего рода "чёрная магия для миллиардеров" — начали бесследно исчезать из своих банок. Дабы докопаться до истины, Маркус вынужден сам ступить на этот сомнительный путь, погрузившись в виртуальную Италию эпохи кватроченто. Здесь, превратившись в алхимика Марко, он находит магический гримуар, который становится его Вергилием в этом странном путешествии. Книга даёт ему семь квестов — от соблазнения девственницы-монахини до узурпации власти у правящего дожа — и щедро награждает за их выполнение "греховными" сверхспособностями, обещая в финале научить героя магии, "о которой он даже не задумывался".

И вот первое и главное открытие "A Sinistra": итальянские приключения Марко-Маркуса написаны с истинным писательским упоением, которого, казалось, уже не было в предыдущих, более сумбурных частях. Пелевин, отбросив тяжеловесную иронию, с лёгкостью и кинематографичностью рисует героя в переулках Венеции, создаёт густую, душную атмосферу заговоров эзотерической мафии "Совет десяти" и с нескрываемым наслаждением погружается в алхимический фольклор. Задания гримуара, требующие найти, скажем, "воду изо рта живого утопленника" или "спасти себя через обрётённые силы, не совершая ничего специально", отдают макабрическим очарованием старой сказки "поди туда, не знаю куда". Наблюдать за тем, как герой распутывает эти головоломки, — занятие на редкость занимательное, напоминающее лучшие образцы интеллектуального квеста. Этот виртуальный мир, при всей своей иллюзорности, ощущается куда живее и органичнее, чем "реальная" реальность цикла с её корпоративными из первых книг "Transhumanism Inc", которые окончательно превратились в карикатурные скетчи.

После сумбурной, перегруженной отсылками "Крути", "A Sinistra" кажется чем-то новым. Это самая прямолинейная, сюжетная и бесхитростная книга цикла. И в этой кажущейся наивности — её главная сила. Пелевин на этот раз почти не прячет смысл под привычными слоями циничной иронии и постмодернистских отсылок. Финал книги несёт неожиданно душевнспасительный месседж о любви, покаянии и вознесении, звучащий почти что пасторально и восходящий к классической формуле. Однако, чтобы понять всю глубину этого поворота, необходимо разобраться в главном литературном прототипе, чья тень ложится на весь роман, — в "Божественной комедии" Данте Алигьери.

ПАРАЛЛЕЛЬ с Данте не является натяжкой или критической прищудой. Она заложена в саму структуру повествования. Если

Данте вёл Вергилий через девять кругов ада, то алхимика Марко ведёт гримуар через несколько "греховных" квестов. Каждый из них — это не просто задание, а своего рода круг испытания, соотносимый с классической греховой структурой. Соблазнение монахини — похоть; узурпация власти у дожа — гордыня и властолюбие; манипуляция и обретение силы — алчность и чревоугодие души. "Левый путь" (A Sinistra) — это и есть путь через ад, но ад, понимаемый не как наказание, а как метод. Это инфернальная механика саморазрушения, ведущая к неожиданному прозрению.

В мире Данте грешник навеки заточён в той пытке, которую сам для себя избрал. В мире Пелевина греховный квест — это добровольный и осознанный выбор, оплаченный миллиардером, ищущим "духовного восхождения к Богу через богатство и власть". Герой-расследователь Маркус, становясь Марко, вынужден играть по этим правилам, проходя все круги этого оплаченного ада. Он ищет "воду изо рта живого утопленника" — образ, достойный самого Данте. Он сталкивается с интригами "Совета десяти", являющегося пелевинский аналог дантовских "злых чешей", где томятся предатели. Виртуальная Италия кватроченто — это и есть ад, стилизованный под прекрасное, но полное коварства и смерти ренессансное панно.

Если ад — это виртуальная Венеция, то чистилищем в романе становится само пространство между реальностями. Маркус-Зоргенфрей, существующий одновременно как андроид-следователь в "реальном" мире и как алхимик Марко в симуляции, пребывает в состоянии постоянного метафизического лимина. Он застрял на склоне горы, которую необходимо преодолеть. Его "греховные" сверхспособности, обретаемые в симуляции, — это не награда, а бремя, тяжесть которого он должен осознать.

Кульминация романа становится прямым отсылком к финалу "Рая", где Данте, предстоя перед Божественным Светом, осознаёт тщету всех земных усилий и слов. Пелевинский герой, алхимик Марко, пройдя все круги своего платного ада и преодолев чистилище сомнений, приходит к аналогичному экзистенциальному жесту. Его финальный монолог — это не заклинание, а молитва отчаяния и озарения:

"Господи, — прошептал он беззвучно, — я, чернокнижник Марко, шёл против Тебя всю жизнь — колдовал, злодействовал, искал незаконной силы... Но если ты понимаешь — а ты ведь понимаешь — это и был мой путь к тебе... Теперь я просто разжимаю руки. Всё в этом мире ничтожно. Поступи со мной по своему разумению..."

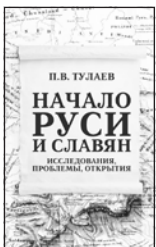
Однако за этой блестящей духовной притчей скрывается системная проблема, которую уже не первый год диагностируют критики. "Transhumanism Inc." окончательно превратился в литературный сериал, бесконечно эксплуатирующий одну и ту же формулу — "расследование аномалии в симуляции". И "A Sinistra", при всей своей глубине, не избежал этой участи. Метафора "банки", бывшая когда-то острым инструментом критики трансмодерна, теперь служит лишь удобным, но исчерпанным сюжетным механизмом. Как верно отмечают обозреватели, Виктор Пелевин превратил свой мир в подобие "компьютерной игры", где можно бесконечно генерировать новые симуляции, не заботясь о целостности большого нарратива. Сама структура романа, раздваивающаяся между двумя реальностями, начинает напоминать корпоративный отчёт, о котором с иронией говорил ещё герой "iPhuck 10".

"A Sinistra" — это два романа в одном. Первый — увлекательная и глубокая сказка-притча об алхимике, ищущем путь к спасению, современная дантовская комедия, которую можно читать отдельно от цикла, и она вас, скорее всего, порадует как самодостаточное произведение. Второй — ещё один виток спирали "Transhumanism Inc.", который лишь подтверждает усталость от формата. Пелевин не выходит как писатель — его стиль по-прежнему острей, а интеллектуальная игра виртуозна. Сцена итальянского кватроченто выписана с блеском. Но, похоже, он устал от той большой идеи, которая когда-то стояла за этим циклом — от идеи "постчеловечества" как новой религии. И эта усталость зеркально отражается в читателях и критиках, вынужденных из года в год писать об одном и том же.

Степан БИРЮКОВ

Тулаев Павел. Начало Руси. — М. : Академический проект, 2025. — т.1, Славяне и их соседи в древности. — 463 с. + 16 с. цв. вкл.; т.2, Исследования, проблемы, открытия. — 316 с.

ПЕРВАЯ пушкинская поэма "Руслан и Людмила" в своём исходном варианте 1820 года начиналась строками: "Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой..." А знаменитое вступление к ней со словами "У Лукоморья дуб зелёный..." Александр Сергеевич написал в 1824 году. Эта "глубокая старина" — та, что воспринимаемая уже как пограничные истории и волшебной сказки, — была отнесена "солнцем русской поэзии" ко временам князя Владимира Красное Солнышко, то есть к концу X — началу XI века. Впрочем, официально принятая исторической наукой за "нулевую точку" отсчёта бытия русского госу-

МЫ—СЛАВЯНЕ

дарства восточных славян дата 862 году от Рождества Христова (6370 лет от Сотворения мира), связанная с легендарным "призванием варягов", вообще, как представляется, сильно укорачивает и обедняет отечественную историю — так что в результате, например, общепотребительный термин "Древняя Русь" хронологически относится у нас к эпохе, которая в европейской и мировой истории описывается уже не как Древний мир, а как Средние века, а "Житие протопопа Аввакума" (XVII век) долгое время характеризовалось как "памятник средневековой русской литературы".

Отсюда уже как будто "естественный вывод": "само собой" следует положение о принципиальной нерезультативности, отсталости и "догоняющем характере" всего Русского Мира — мол, предки русских "жили в лесу, молились колесу", а потому и нам, их потомкам, нечего соваться со своим кувшинным рылом в калаш-

ный ряд мировой цивилизации. Автор "Начала Руси", Павел Владимирович Тулаев, профессор истории Международного славянского института в Москве, действительный член Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения, член МОО "Императорское Русское историческое общество", учредитель и главный редактор журнала "Атений" (2000—2010), учёный секретарь МСОО "Всеславянский Союз", т. е. человек, которого при всём желании сложно отнести к числу академических учёных, позиционирует себя как сторонник прямо противоположной точки зрения. Он пишет: "Славянство — это целый мир, целый космос, многомерная и многообразная вселенная со своими законами, особенностями и пока не раскрытыми тайнами... Начав научную карьеру в начале 1980-х годов, я в ходе своей исследовательской работы даже в западной литературе, посвящённой романо-германскому миру, обнаружил множество объективных фактов и неопровержимых аргументов в пользу глубокой древности славяно-русского мира... Невозможно отрицать существование древних корней славянства, уходящих как минимум в начало I тысячелетия до н. э., а фактически гораздо глубже".

Впрочем, такого типа энтузиасты, которые не вписываются в научный мейнстрим, заодно, как правило, выходят и за формат присущих этому мейнстриму, закреплённых в его русле шаблонов, что, наряду с дополнительными рисками, открывает и дополнительные возможности в поисках истины. "Ни один ветер не будет попутным для человека, который не знает, куда ему плыть", — утверждал один из афоризмов Сенеки. Но в эпоху Великих географических открытий капитаны кораблей, начиная с Колумба, думавшего, что нашёл короткий путь по морю в Индию, часто не знали, куда они плывут, а потому любой ветер был для них попутным. Право на риск, на ошибки и даже на крушение (которое, напоминает П.В. Тулаев, постигло, в частности, "яфетическую" теорию языкознания Н.Я. Марра) — неотъемлемо не только для учёного-исследователя, но и для каждого живого человека. "Реальная история! Образ прошлого, настоящего и будущего мира — вот за что всегда велась идеологическая борьба... Научные споры на исторические, этнические, расовые темы всегда отражают интересы различных наций и политических сил". Наши исторические противники, такие как Римско-католическая церковь, Османская империя, Австро-Венгрия, Германский рейх, а ныне США — всегда сознательно использовали эти внутренние противоречия, раскалывали славянский мир, сеяли в нём вражду и раздоры", — вряд ли кто-то из возможных оппонентов Павла Тулаева (а таких априори найдётся немало) решится всерьёз оспаривать эти исходные постулаты его работы.

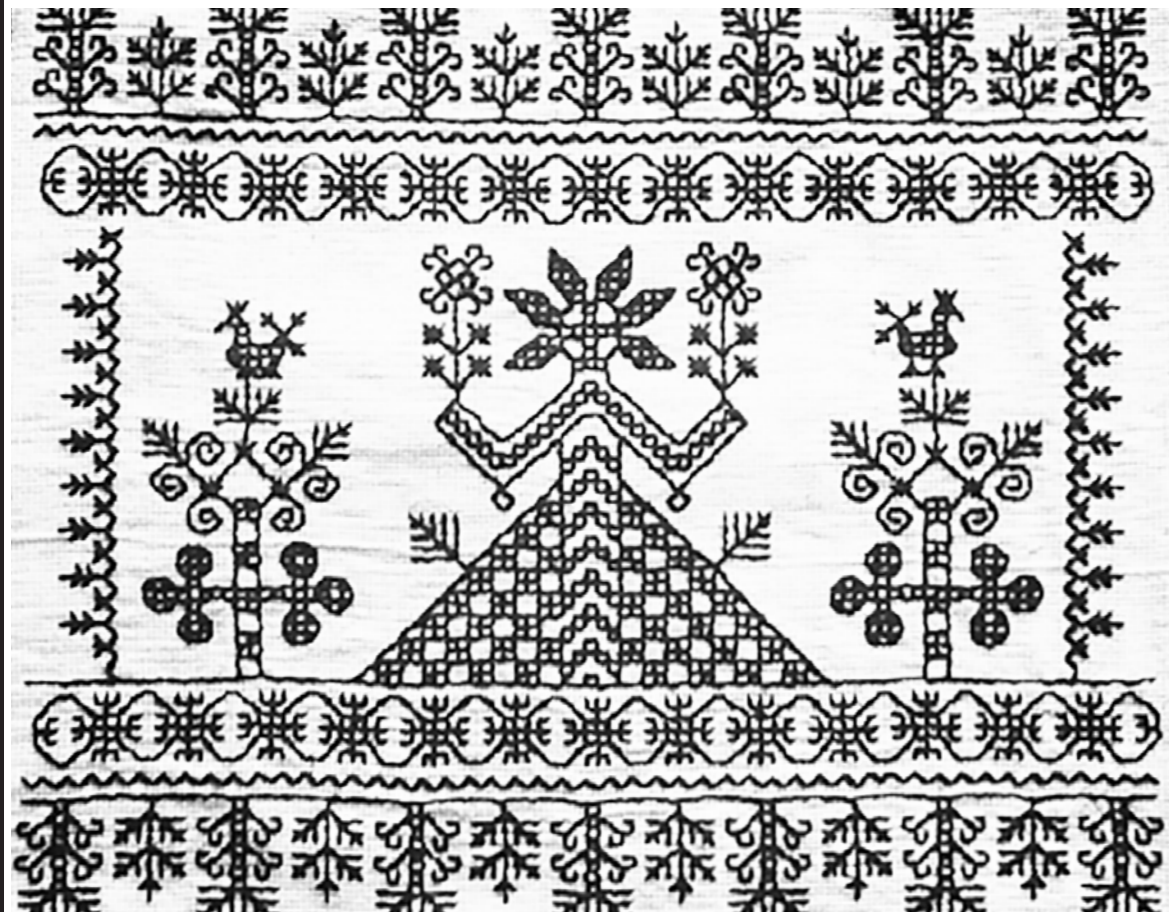
Иное дело — в каком материале и в каких формах эти постулаты оказываются отлиты. И если первый

том книги Тулаева содержит отражения древнейших, "от Потопа до монгольского вторжения", периодов отечественной и мировой истории согласно верифицированным источникам и археологическим данным, то второй посвящён в основном истории славяноведения и связанным с ним метаисторическим проблемам, к числу которых автор отнесены не только "Велесова книга" и "Веда Словена" Стефана Ильича Берковича (у Тулаева — Стефана Ильича Берковича), но и письменности балканской культуры Винча (6—5 тысячелетия до н. э.) с предшествующим ей протописьюм Лепенского Вира (8—6 тысячелетия до н. э.), а также оригинальным авторским исследованиям: "Скифское наследие", "Первые исторические упоминания о руссах", "О почитании святого Андрея Первозванного на Руси", "Северная традиция и её значение для Русского Мира" и другие.

ПО-НАСТОЯЩЕМУ важным представляется ряд мыслей П.В. Тулаева — например, относительно реальных механизмов процессов этногенеза: "Скифы представляли собой союз различных этносов иранского, тюркского, кавказского, а позже и славянского происхождения..." (эта принципиальная и относительно быстрая изменчивость этнической самоидентификации находит своё подтверждение в практике не только современного "украинского" нацибилдинга, но и в ряду других исторических примеров); не менее плодотворной выглядит идея о необходимости в поисках истоков славянства и Руси учитывать максимально широкий комплекс факторов как материальной, так и духовной культуры прошлого, включая ономастику.

Разумеется, самым спорным моментом занимаемой и отстаиваемой автором позиции является её "неязыческий" характер, который легко можно связать с "гностической традицией". "Язычество — это не религия, не философия и не идеология. Это вообще не абстрактная идея, а сама жизнь, вечно молодая и обновляющаяся. Язычество — это совокупность жизненно-родовых принципов бытия. Вот откуда происходит его непобедимая живучесть, его бессмертие", — заявляет П.В. Тулаев. Что, разумеется, вызывает вопросы о том, чем "совокупность принципов" в его понимании отличается от "идеологии". Не говоря уже о конкретном варианте авторского "неязычества", следующую делению на три мира, Правь, Явь и Навь: "Мировое древо выражала модель триединой вертикальной структуры, где было три царства: Правь (небо с богами), Явь (земля с людьми и животными), Навь (подземный мир, где обитали предки)". В других вариантах "неязычества" присутствует и "четвёртое царство", Славь, обитатели которого являются "божественные законы". С этой точки зрения вся современная наука, историческая в том числе: и академическая, и "альтернативная", — выступает в качестве своего рода "явславия", придающего черты абсолюта материальному бытию и "законам природы". Что, кстати, можно расценивать и как дополнительный существенный аргумент в пользу традиционного православия.

Владимир ВИННИКОВ

«Древо Жизни». Вышивка на рушнике, Слобожанщина.